

Кэрол Кирквуд

Под луной
Трещи

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К43

Carol Kirkwood

UNDER A GREEK MOON

First published by HarperCollinsPublishers 2021 under the title
UNDER A GREEK MOON
Copyright © Carol Kirkwood 2021

Translation © Eksmo Publishing 2023, translated under licence from
HarperCollinsPublishers Ltd. Carol Kirkwood asserts the moral right
to be acknowledged as the author of this work.

Перевод с английского Юлии Бугровой

Иллюстрация на обложке Катерины Киланяни

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Berkah Visual / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Кирквуд, Кэрол.

К43 Под лунной Греции / Кэрол Кирквуд ; [перевод с английского Ю. Бугровой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-184275-8

У знаменитой актрисы Шоны Джексон идеальная жизнь. Слава, богатство, семья. По крайней мере, так кажется со стороны. Но один день меняет все: грандиозный скандал заставляет Шону сбежать в то место, которое изменило ее жизнь двадцать лет назад, на греческий остров.

На лазурном берегу среди благоухающих оливковых рощ на поверхность всплывают болезненно манящие воспоминания об одном лете, незабываемом мужчине и большой тайне.

Шона Джексон сбежала из Голливуда, но сможет ли она сбежать от своего прошлого?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-184275-8

*Дональду и Стиву,
которые всегда слушали
и были рядом*

Пролог

Молодая женщина смотрела на море из комнаты, дававшей хороший обзор главной улочки маленького острова Итос. Со своего наблюдательного пункта она видела суматоху гавани, но жаркое полуденное солнце и толпы отдыхающих, которые прибыли сюда с Крита и Родоса и толпились на узких улочках, ее не донимали.

Скромная комната была обставлена в традиционном греческом стиле: терракотовая плитка на полу, простая кровать, сосновый комод, белоснежные простыни, оконные ставни. Легкий ветерок приподнял тонкую тюлевую занавеску — она упала девушке на плечи, подобно вуали, и снова обмякла.

Внизу вдоль пристани выстроились лодки. Рыбаки перебрасывались приветствиями, двигаясь в ритме, унаследованном от предков. Швартовались, вытягивали сети, перегружали драгоценный груз сардин и скумбрии с судна на берег. Девушка наслаждалась этим зрелищем. Ей казалось, здесь ничего не менялось веками.

Потом она отвернулась от окна, застегнула молнию уже упакованного рюкзачка и в последний раз оглядела комнату.

Кэрол Кирквуд

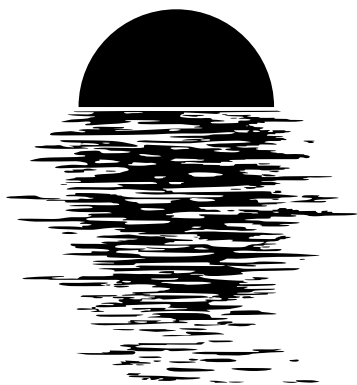
Увидев лежавшую рядом открытку, она взяла ее и перечитала слова, которые знала наизусть:

Надежда есть всегда. У нас есть мечты. Не жди меня...

Она перевернула открытку: на обороте был запечатлен Итос — греческая островная идиллия, вечно меняющаяся и неизменная, с белоснежными пляжами и сапфировым морем, мощными улочками с традиционными домиками и скалистыми холмами в глубине.

Вздыхнув, она положила уже ненужную открытку на комод. Хранить ее дальше не было смысла. Слова врезались ей в память — она никогда их не забудет. На каменной лестнице, ведущей в комнату, слышались шаги. В дверь постучали. Девушка бросила последний взгляд на открытку и повернулась к двери.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Лос-Анджелес, сентябрь 2000 г.

Шона Джексон надела темные очки, хотя в них не было необходимости, потому что ранний утренний свет едва проникал в окна международного аэропорта Лос-Анджелеса. Она посмотрела на часы, ей не терпелось забрать багаж и сесть в лимузин, который отвезет ее домой. «Домой, — подумала она, — сколько противоречивых чувств в этом слове». Она только что прилетела из Ирландии, которая уже много лет не была ее домом, но, как гласит старая поговорка, девушку можно вывезти из Эннискреа...

Порой, как, например, сегодня, она чувствовала себя в Лос-Анджелесе самозванкой. Как будто Шона Джексон, отмеченная наградами актриса, вдова маститого режиссера Дэна Джексона, была мошенницей и в любой момент ее могли лишить «Золотого глобуса» и «Эмми» и турнуть назад в Эннискреа — такой исход, несомненно, обрадовал бы мать.

Она поехала. А вдруг это изморось и туман западного побережья Ирландии пробрали ее до костей или в сердце еще остался осколочек льда, который не могла растопить даже нарастающая жара Калифорнии? Будь здесь отец, он бы поделился с ней своим неиссякаемым оптимизмом. Он бы сказал: «Ну же, Шона, выше нос —

радость и счастье под каждым камнем мостовой, нужно лишь приглядеться». Но его рядом не было, а она, при своем богатстве и всех атрибутах славы, не могла отгородиться от унижений и страданий.

О Дэн, ну зачем ты так со мной?

Шона окинула взглядом зону выдачи багажа сквозь солнцезащитные очки «Шанель», желая понять, не узнали ее кто-нибудь. Прежде она улыбалась бы и раздавала автографы, но сегодня использовала все ухищрения голливудских мегазвезд, чтобы остаться незамеченной: последней вышла из самолета, ограничилась минимальным багажом, огненно-рыжие волосы спрятала под широкополой шляпой, а зеленые глаза — за темными очками и путешествовала под своей девичьей фамилией, Шона О’Брайен, на случай если после просмотра списка пассажиров кто-нибудь стукнет папарацци. Общения с ними ей хватило до конца дней. Она была потрясена внезапной смертью мужа, а теперь еще фотографии доносили ее, впад в массовый психоз из-за известия о том, что он ей изменял и прижил сына от другой женщины. И как будто самой утраты было мало, ей пришлось мириться с тем, что любовница продает свою историю направо и налево, предавая огласке все грязные секреты. Жизнь Шоны превратилась в нескончаемый кошмар.

А в Ирландии все оказалось еще хуже...

Когда она вышла из самолета в аэропорту Шэннон, ощущение было такое, что время остановилось. Ни папарацци, притаившихся в засаде, ни любопытных взглядов вслед. Таксист, который вез ее в опрятный белый коттедж родителей, болтал всю дорогу, не подозревая о том, что пассажирка — знаменитость. Как будто она

снова стала Шоной О'Брайен и никогда не покидала Эн- нискреа.

И волна недовольства, когда она вместе с чемодана- ми переступила порог, тоже была как в старые добрые времена. Она знала, что мать будет крайне раздосадо- вана тем, что она явилась без предупреждения, но это был единственный способ заставить ее врасплох и полу- чить ответы.

— Ты ненадолго?

— Если это проблема, мамочка, я всегда могу по- ехать в отель.

— Я не говорила, что это проблема, — фыркнула мать. — Просто я не ждала тебя.

— Твое письмо меня встревожило. Я полетела пер- вым же рейсом.

— Что ж, папа будет рад тебя видеть.

Судя по тону, матери было все равно.

— Что с ним? — Шона понизила голос на случай, ес- ли папа был где-то в пределах слышимости, хотя тогда он наверняка подошел бы к двери, чтобы поздоровать- ся. — Из твоего письма у меня сложилось впечатление, что дело серьезное. Я теряюсь в догадках и вся извелась. Почему ты всегда напускаешь такого тумана?

Шона знала почему: это была форма контроля, способ обуздать обмен информацией между дочерью и мужем.

— Я полагала, у тебя и так забот хватает, с этим скан- далом во всех новостях. — Губы матери скривились, от уголков рта побежали морщины, похожие на жи- цу чернослива. — Как эта особа вообще посмела объ- явиться, и где — на поминках! Я не могу отделаться от мысли, какое же это благо, что у вас нет детей. Какой

позор... Что, должно быть, подумал священник, увидев бумаги? Я надеюсь, ты извинилась перед ним. А твой муж... Я с трудом смотрела в глаза отцу Шону. Останься ты в Эннискреа, этого бы не случилось.

Шона знала, что спорить бессмысленно.

— Где папа?

— Он прилег. Скоро проснется. Я поставлю чайник, а ты пока приведи себя в порядок.

Шона знала, что ответов от матери можно не ждать, пока она не будет готова, и потому потащила чемоданы по узкой лестнице в свою старую мансардную комнату, откуда вдаль виднелось море. Это был не тот панорамный вид на восходы и закаты Тихого океана, какой бывает в Калифорнии, но все же от видов Эннискреа, где ливни и солнечный свет, мешаясь, расцвечивали небо радугой, и не одной, а сразу двумя или тремя, захватывало дух. В детстве она могла любоваться ими бесконечно и звала папу, чтобы тот пришел посмотреть. Ей вспомнилось, как он качал ее на коленях и рассказывал истории о лепреконах — озорных человечках, которые прячут горшочки с золотом у конца радуги, где их никто никогда не найдет.

— А для счастья, конечно же, не нужны ни радуги, ни горшочки с золотом, — говорил он ей.

Шона отвернулась от окна, ее глаза были затуманены слезами. В такси по дороге сюда она крепилась духом, готовя себя к любым новостям, которые утаивала мать, но здесь, окруженная детскими воспоминаниями, она, похоже, утратила всю свою решимость. Вместо того чтобы идти вниз, она стояла, оглядывая маленькую спальню под крышей. Казалось, все тут осталось почти таким же, как в детстве. Старая одежда исчезла из шка-

фов и ящичков, но ее любимые романы и школьные тетради по-прежнему теснились на полках. Шона открыла шкаф, и при виде драгоценной коллекции старых выпусков «Фотоплей» ее глаза загорелись. В то время как девочки ее возраста зачитывались «Джеки» и «Семнадцать», чьи страницы пестрели фотографиями Дэвида Кэссиди и Дэвида Соула, Шона тратила скудные карманные деньги на старые издания библии киноманов, предпочитая упиваться голливудскими сплетнями минувших дней. Она потянулась, вынула наугад журнал из стопки и, взглядываясь в фотографию, бессознательно скопировала всеамериканскую улыбку Грейс Келли, запечатленную на обложке выпуска 1956 года. Полистав пожелтевшие, потрепанные страницы, она снова перечитала «Нерассказанную историю» Грейс. Все было так, как ей помнилось: никаких откровений, только стандартная биографическая информация на момент выпуска и фото из «Высшего общества», в котором она снималась с Бингом Кросби.

Голливудская легенда, ставшая княгиней, всегда была кумиром Шоны. Подростком она ненавидела свою рыжую шевелюру, мечтала быть блондинкой и такой же красавицей, как Грейс. Шоне потребовались годы, чтобы принять свою внешность, несмотря на то что Дэн называл ее «прерафаэлитской дриадой» и убеждал не осветлять волосы. По иронии судьбы, после того как она вернулась к своему естественному цвету и природной бледности, понимая, что это выделяет ее среди перманентных загаров и подтяжек Лос-Анджелеса, Дэн изменил ей.

Шона поморщилась. Она решила больше не мучить себя воспоминаниями о муже. Вместо этого она мыслен-